

х

х х х

собираясь в гости к жизни
надо светлые глаза
свитер молодости грешной
и гитару на плечо

собираясь в гости к смерти
надо черные штаны
снежно белую рубашку
узкий галстук тишины

при последнем поцелуе
надо вспомнить хорошо
все повадки музыканта
и тугой его смычок

кто затянет эту встречу
тот вернется слишком пьян
и забудет как играли
скрипка ива и туман

осторожно сквозь сугробы
тихо тихо дверь открыть
возвращеньем поздним чтобы
никого не разбудить

А.С.

Мой товарищ накоротке
с жизнью ветреной, ночью вьюжной.
Сыт, и пьян, и нос в табаке —
ничего ему больше не нужно.
В душной комнатке он лежит,
засыпая под свист метели,

и всю ночь жена сторожит
зыбкий сон у его постели.

Сколько прошлого — все при нем.
Длится сон, будто годы тлеют.
Синева за его окном
то сгущается, то светлеет.
Обступили тесный простор
тополя в больничном уборе,
и выходят судьбы во двор
совещаться о приговоре.

Город вьюгою занесен.
Город спит, потому что поздно.
Да и женщину клонит в сон
жизнью ветреной, ночью беззвездной.
Как их пальцы крепко сплелись!
А метель бежит по карнизам,
улетает в косматую высь,
возвращаясь рассветом сизым.

Эти люди и впрямь бедны.
Ничего у них нету, только
черным пеплом окружены
папиросы на шатком столике.
И всего-то у них добра —
бьется сердце сторожевое,
и всего у них серебра —
небо вьюжное над Москвою...

х х х

в России грустная погода
под вечер дождь наутро лед
потом предчувствие распада
и страх медленный полет
струится музыка некстати
стареют парки детвора
играет в прошлое в квадрате
полузабытого двора

а рядом взрослые большие
они стоят навеселе
они давно уже решили
истлеть в коричневой земле
несутся листья издалека
им тоже страшно одиноко
кружить в сухую пустоту
неслышно тлея на лету

беги из пасмурного плена
светлюбивая сестра
беги не гибни постепенно
в дыму осеннего костра
давно ли было полнолуние
давно ль с ума сходили мы
в россии грустной накануне
прощальной тягостной зимы

она любила нас когда-то
не размыкая снежных век
но если в чем и виновата
то не признается вовек
лишь наяву и в смертном поле
и бездны мрачной на краю
она играет поневоле
пустую песенку свою

х х х

ах город мой город прогнали твои купола
коробятся площади потом пропахли вокзалы
довольно довольно навозного злого тепла
я тоже старею и чувствую времени мало

тряхну стариною вскочу в отходящий вагон
плацкартная сутолка третий прогон без билета
уткнулся в окошко попутчик нахмуренный он
без цели особенной тоже несется по свету

ну что ты бормочешь о связи времен и людей
имперская спесь не броня а соленая корка
мы столько кривились в мальчишеской линзе дождей
что смерть на миру постепенно вошла в поговорку

я рядом просторы и вспухшие реки темны
луга и погосты написаны щедрою кистью
и яблоки зреют и господу мы не нужны
и дуб великан обмывает корявые листья

ах город мой город сложить не сойдутся края
мне ярче огней твоих свет керосиновой лампы
в ту долгую осень которую ~~п~~ра~~д~~новал я
читая державина ржавокипящие ямбы

сойду на перрон и вдыхая отечества дым
услышу гармонь вдалеке и гудок паровоза
а в омуте плещется щука с пером голубым
и русские звезды роняют татарские слёзы

х х х

Сибаритствую месяц подряд:
нью, читаю, в окошко смотрю.
По утрам надеваю халат
и старательно кофе варю.

Дни короче, а ночи длинней.
~~В~~от и радуюсь каждому дню.
Не ценил я свободы своей,
а теперь пуще жизни ценю.

И поскольку я счастлив вполне,
выше крыши, хоть ~~ни~~ныче в музей,
ближе к вечеру нравится мне
наставлять своих глупых друзей.

Телефон то и дело звонит:
то отказник, то просто изгой

грустным голосом Бога винит
и смиряться не хочет с судьбой.

Жив ли ты, я спрошу, и здоров?
Так напейся, советую, в дым,
посмотри-ка на пир воробьев,
что трещат под окошком твоим.

И метель, говорю, начеку.
Посмотри, как в глазах декабря
на потеху сухому зрачку
отражается злая заря.

Кто-то умер, а кто-то живет.
Надо мне — вспоминаю — заснуть.
За стеною пластинка поет,
над Москвою ворона плывет —

крылья черные, серая грудь...

ПИСЬМО

Виталию Дмитриеву
Сыплет серый снег..Шелестит зола.
Не заходит к нам почтальон.
Написал бы, как у тебя дела,
что читаешь, в кого влюблён.
Помнишь строчки: мол, не сойду с ума,
не попаду в тюрьму?
Вот и впрямь настала еще зима,
и еще не конец всему.
Но и нам не двадцать, как ни крути,
и не тридцать даже. Труба!
Со звездой во лбу, с табаком в горсти
в подворотне стоит судьба.
Помнишь, черным маслом блестел канал,
и парным молоком — река,
и в любом прохожем я узнавал
лицеиста и должника?
Я и рад бы снова в волшебный град,

Посходить бы с ума, как встарь,
хорошо бы — только кругом твердят,
что плохой на дворе январь.
Напиши. И привет передай Неве.
Повод выпить отыщешь сам.
Ну а я за тебя поклонюсь Москве,
волчьим, жадным её очам.

В сознание музыкой врежаясь,
Бежит по куполу строка...

1969

Давай пристроимся с тобой
у пыльного окна.
Бежит автобус голубой,
и хорошо видна
страна, где шелковая хмарь
алеет на заре,
где муэдзины были встарь
и женщины в чадре.

Здесь было скверно, говорят,
а стала жизнь легка,
Чинары, вязы, виноград
под крики ишака
мелькают. Славно мы летим!
А солнце бьет в упор,
и блещет зубом золотым
лысеющий шофер.

Экзотика! Давай-ка дух
слегка переведем.
В музей религии до двух,
конечно, не пойдем.
Но добредем до чайханы
в прохладном парке. Мне
в Москве нередко снились сны.
об этой чайхане.

Щербатый чайник. Минарет.
Забытый мавзолей.

И лозунг выцветший: "Привет
работникам полей!"
Еще я помню ветхий мост
и кислое вино
при свете азиатских звезд...
Когда? Давным-давно!
В той самой юности, когда
я весел был и глуп,
слова слетали без труда
с полуоткрытых губ,
когда я не считал утрат,
смеялся, как дурак,
все говорил, что жизни рад
бесплатно, просто так.

Зато стихи писать любил
в особую тетрадь,
Такие страсти городил,
что стыдно вспоминать.
Скажи, какое мумиё,
какой китайский врач
вернет невежество моё
и благодатный плач?

Ах, память! Сколько было сил,
предчувствий и тревог!
Смотри, как у норы застыл
кладбищенский сурок,
как быстро птица пронеслась,
и взгляд куда-ни кинь—
езде торжественная вязь,
репейник и полынь...